

От переводчика

Рубеж веков ознаменован новым бумом «русского Шекспира». Выходят в свет сенсационные гипотезы и теории, новые переводы (в том числе и полные своды сонетов). Новейших переводов «Гамлета» с 1999 г. вышло в свет уже больше десятка. Из них самыми, пожалуй, известными стали версии В. Поплавского, И. Пешкова, А. Чернова, А. Цветкова, С. Степанова.

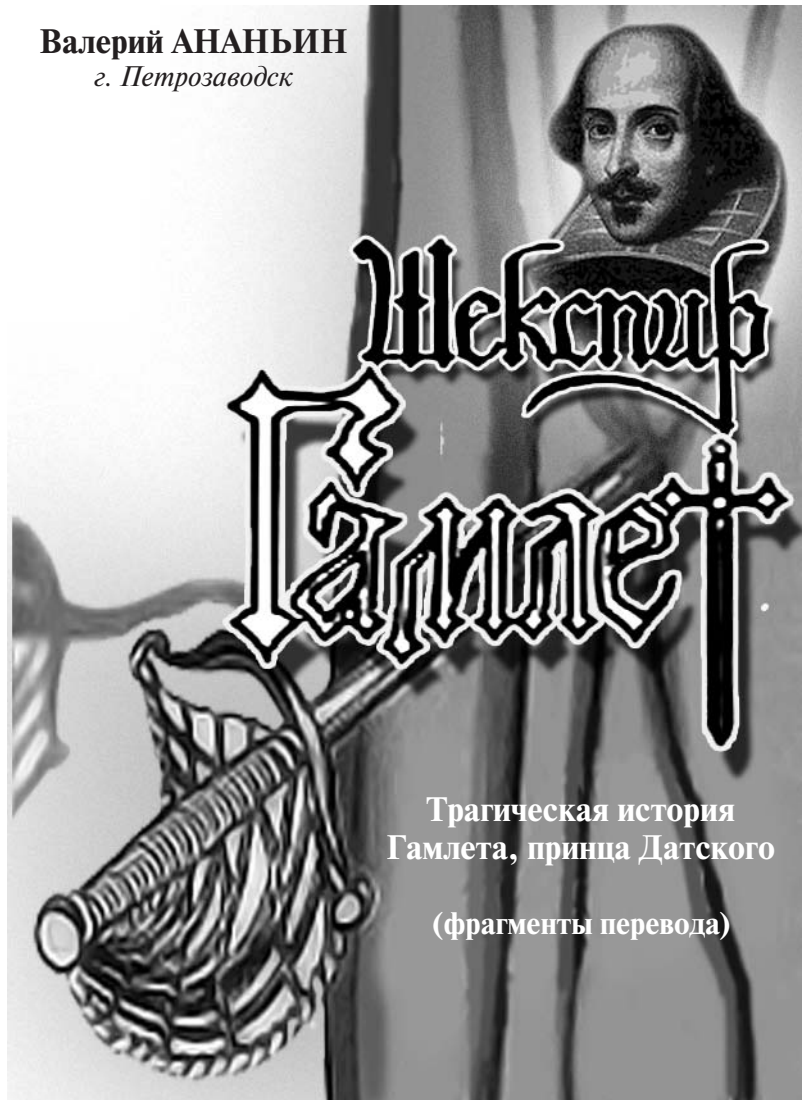
Моя работа над шекспировской трагедией началась задолго до нынешнего «бума», больше четверти века назад. Потом по ряду причин надолго прервалась и продолжилась лишь осенью 2008-го, завершившись через год. Так что как переводчик считаю в известной мере исполненным свой долг перед памятью замечательного отечественного шекспироведа А. А. Аникста: перевод «Гамлета» был когда-то ему обещан в кулуарах Шекспировских (тогда «всесоюзных») конференций, участником которых мне посчастливилось быть в 80-х годах века минувшего.

Цель перевода видел в том, чтобы, оставаясь верным Шекспиру в смысловых, «образных», даже структурно-речевых «подробностях» (когда они представляются не только необходимыми, но и характерными, любопытными), одновременно рискнуть дать «русское поэтическое произведение» в русле современной (но «традиционной», без архаики, «постмодерна») русской поэтики.

Основой для перевода послужило классическое издание: W. Shakespeare. Hamlet, Prince of Denmark. M., 1939 (комментарий и словарь

Валерий АНАНЬИН

г. Петрозаводск

Трагическая история
Гамлета, принца Датского

(фрагменты перевода)

М. М. Морозова). Позже — несколько английских и американских изданий свода «канона» и тексты первопечатных изданий, по «Штудиям» Дж. Макдональда и «В поисках подлинника. Шекспир. «Гамлет» И. Пешкова.

В переводе — непривычное деление пьесы по актам (три вместо обычных пяти), кое-где — и по сценам, иная их нумерация. Любопытных читателей отсылаю к будущей книге, к «Записям на полях» (в том числе и со всеми возможными вопросами по тексту).

Валерий Ананьин

АКТ II. СЦЕНА 10

*Галерея в замке.**Входят Король, Королева, Полоний, Офелия, Розенкранц и Гильденстерн.***КОРОЛЬ:**

Итак, сложить картину вы не в силах:
Зачем он эту кашу заварил,
С чего все дни так бешено нервозен?
Блажь, фронда, сдвиг опасный — не поймешь.

РОЗЕНКРАНЦ:

Он сам признал, что места не находит,
Причин же — не намерен открывать.

ГИЛЬДЕНСТЕРН:

И чтоб озвучил, — вряд ли мы добьемся.
Едва подвинь на исповедь, — глядишь,
Уже замкнулся с хитростью безумца,
Не сыщешь правды.

КОРОЛЕВА:

Как он принял вас?

РОЗЕНКРАНЦ:

Вполне учтиво.

ГИЛЬДЕНСТЕРН:

Явно через силу.

РОЗЕНКРАНЦ:

Замял наш иск, но хоть красноречив
В своей защитной речи.

КОРОЛЕВА:

Не пытались

Развлечь его?

РОЗЕНКРАНЦ:

Вот тут нам повезло.

Дорогой обогнали мы актеров,
О чем и сообщили принцу. Он,
Похоже, принял с радостью известье.
Актеры на дворе. Им вроде дан
Приказ играть сегодня.

ПОЛОНИЙ:

Верно, верно.

И принц меня просил на сей предмет
Молить склонить державный слух и око.

КОРОЛЬ:

Со всей душой. Рад слышать, что его
К такому тянет. Следует и впредь
Острее править страсть его к забавам!

РОЗЕНКРАНЦ:

Исполним. (*Розенкранц и Гильденстерн уходят.*)

КОРОЛЬ:

Вы бы, милая Гертруда,
Оставили нас тоже. Нам тайком
Доносят: Гамлет близко. Здесь, случайно,
Офелию он встретит. Видит Бог,
Оправдана подглядка отчим правом:
Мы проследим тишком с ее отцом
Свиданье это и рассудим здраво,
Из поведенья принца исходя,
Любовь ли точно или что другое
Его терзает.

КОРОЛЕВА:

Ухожу. Дай Бог,

Офелия, актриса поневоле,
Чтоб ваша прелесть, девочка, была
Счастливою причиной буйства сына,
Чтоб ваши свойства помогли его
На путь наставить, к чести вас обоих.

ОФЕЛИЯ:

Дай Господи! (*Королева уходит.*)

ПОЛОНИЙ:

Офелия, пора!

Прохаживайтесь. — Окажите милость,
Извольте притаиться, государь. —
Читайте, вот псалтирь, — молитва красит
Уединенье. Господи, грешим!
Да что там, постным ликом да божбою
Усахарим и чёрта.

КОРОЛЬ (в сторону):

Как он прав!

Рубцом набрякла совесть от удара.
Напудренные щеки потаскух,
Сдери румяна, будут не чернее
Всех дел моих под гладью красных слов.
О тяжкий груз!

ПОЛОНИЙ:

Идет! Пора, державный,
Нам отступить. (*Король и Полоний скрылись. Входит Гамлет.*)

ГАМЛЕТ:

Так быть или не быть?
Вот он, вопрос. Достойней — что из двух?

Скрепить свой дух и выстоять без стопа
 Под бешенством пращей и стрел судьбы —
 Или поднять клинок на море бедствий
 И в смертной сшибке им найти конец?
 И умереть. Уснуть. И все. Представим:
 Уснут с тобой тоска и сотни мук:
 Наследных для живых — их нет для мертвых.
 Исход завидный, верно? Смерть — лишь сон...
 Сон, я сказал? А! Вот подводный камень!
 Какие сны увидим в смертном сне,
 Когда житейской маеты удавку
 Разрубим? Вот предел. Вот где шагнуть
 Всё медлим мы, а пытка-жизнь — всё длится...
 Кто вынес бы твой кнут и хохот, Время,
 Тирана кривду, травлю гордых душ,
 Мученья обесцененного чувства,
 Закона немощь, произвол чинов,
 Пинки заслуге скромной — от лакейства,
 Когда б он сам себе простым ножом
 Мог счет закрыть? Кто нес бы ношу жизни,
 Под ней кряхтел бы, ныл, потел — но брёл,
 Когда бы не пугала там, за гробом,
 Чужая неоткрытая страна,
 Откуда не пришел никто обратно?
 Смущает волю скрытое от глаз:
 Неси свой куль мытарств, уже привычных,
 И не беги к неведомым, глупец.
 Так труса будит в нас дотошность мысли.
 Так, блёклой думой наживив крючок,
 Хворь бледную подцепит наша твердость.
 Так и почин великой высоты,
 Сбивая курс, теряет знак деянья.
 Тогда — молчи!..
 Офелия? Найди
 Для грешника словцо в молитвах, нимфа.

ОФЕЛИЯ:

Как проводил мой принц все эти дни?

ГАМЛЕТ:

Благодарю покорно: славно, славно.

ОФЕЛИЯ:

Принц, я от вас дар памятный ношу,
 Хотела бы теперь освободиться.

Молю, избавьте от него.

ГАМЛЕТ:

Не я!

Не я дарил. Донашивайте с Богом.

ОФЕЛИЯ:

Дарили, принц, вы знаете. А цену
 Надбавил слов сладчайший аромат.
 Растаял он. Возьмите всё назад.
 Душе невинной дар любой не впрок,
 Когда даритель сделался жесток.
 Прошу вас, принц.

ГАМЛЕТ:

А! Так вы невинны?

ОФЕЛИЯ:

Принц!

ГАМЛЕТ:

И вы прекрасны, да?

ОФЕЛИЯ:

О чём вы, ваше высочество?

ГАМЛЕТ:

Да все о том же: раз уж вы непорочны и прекрасны, вашей добродетели нечего якшаться с вашей красотой.

ОФЕЛИЯ:

С кем же, как не с целомудрием, принц, красоте и крепить сношенья наивыгодным договором?

ГАМЛЕТ:

Вот, вот, торговым. И скорей красота съест целомудрие в публичную аренду, чем целомудрие выкупит красоту. Раньше это было парадоксом, но нашим веком доказано. Я вас любил единожды.

ОФЕЛИЯ:

О да, мой принц, и так меня уверили...

ГАМЛЕТ:

А не верили бы! Как ни прививай добродетель к нашему старому стволу, грешных корней не выкорчуешь. Не любил я вас.

ОФЕЛИЯ:

Тем больше я обманута...

ГАМЛЕТ:

Иди-ка в монастырь для Евиных дочек. Чего тебе нейдет плодить грешников? Сам-то я еще в меру добропорядочный. Но и я начни се-

бя казнить, так покажется: лучше б меня мать не рожала. Я очень горд, мстителен, тщеславен. И у меня под рукой больше злодейств, чем рассудка, чтобы их осмыслить, фантазии, чтобы их воплотить, и времени, чтобы дать им ход. На кой чёрт молодцам вроде меня корчиться между небом и землей! Все мы сущие гадуки, никому из нас не верь. В монастырки — и ска-тертью дорога! Отец твой где?

ОФЕЛИЯ:

Дома, принц.

ГАМЛЕТ:

Вот и заперли б его там, чтоб валял дурака только при своих. Прощай.

ОФЕЛИЯ:

Святое небо, помоги ему!

ГАМЛЕТ:

А если соберешься замуж, вот тебе проклятие в приданое. Будь ты целомудренней льда, чище снега, а от клеветы не убежишь. Ступай к монашкам, кому сказано! С Богом, с Богом. А уж невтерпеж без мужа, выходи за дурня. А умный — выдывал бодливых чудищ, каких из нас вы лепите. Кыш, кыш, в монастырь! Не мешкай. Счастливого пути.

ОФЕЛИЯ:

Силы небесные, верните ему прежний облик!

ГАМЛЕТ:

Наслышан по горло и про ваши подмалевки. Бог вам дал одно лицо, а вы себе мажете другое. И шагу не ступите, всё бы вам дрыгнуть да взбрыкнуть. И ни словечка в простоте, всё бы подсюсюкнуть. И всякой божьей твари у вас своя кличка. И наблудите — стало быть, по святой невинности. Нет, милые, с меня хватит, и так тронулся. Слышите — никаких свадеб! Кто успел пережениться, всем долгие лета, кроме одного! Кто не успел, пусть сидят как есть. В монастырь, сказано! *(Уходит.)*

ОФЕЛИЯ:

Мой Бог, чем обернулся гордый дух!
Глаз чести! Речь науки! Меч отваги!
Державная надежда, цвет страны!
Манер и вкуса зеркало живое,
Предмет вниманья всех... Всё пылью, всё!

А я? Да есть ли женщина несчастней!
Пить музыку и мед священных клятв —
И увидеть: разбит высокий разум,
Расколоты его колокола!
А этот чудо-облик, май в расцвете,
Безумьем смят! За что мне этот ад,
Видавшей блеск — увидеть и закат!
(Возвращаются Король и Полоний.)

КОРОЛЬ:

Любовь? Иным отдался он страстям.
Да и слова, хоть не ахти как связны,
Безумьем и не пахнут. Он в душе
Другое что-то вскармливает желчью,
И чует сердце — высидит змею.
Чтоб вовремя предупредить угрозу,
Я поспешил решение принять:
Он в Англию немедля соберется —
Взыскать недоуплаченную дань.
Быть может, новые моря и страны
И смена впечатлений выбьют дурь,
Засевшую под сердцем, над которой
Он голову ломает, потеряв
Вид человеческий. Как ваше мнение?

ПОЛОНИЙ:

Мысль мудрая. А все-таки, по мне,
И корень, и исток его кручины —
Несчастливая любовь. — Ну, что, бедняжка?
Передавать, что принц наговорил,
Труда не стоит, слышали. — Державный,
Всё в вашей воле. Но один совет:
Свести под вечер королеву с сыном.
Пусть с глазу на глаз выпросит его.
Коль вы не прочь, попробую подслушать.
Не дастся он и ей, тогда конец:
Ссылайте в Англию, сажайте в крепость —
По выбору.

КОРОЛЬ:

Идея хороша.
Сильней безумец — зорче сторожа. *(Уходят.)*

АКТ III. ИЗ СЦЕНЫ 22

Комната в замке. Гамлет, Горацио. Входит Озрик.

ОЗРИК:

Ваше высочество, с благим возвратом в Данию.

ГАМЛЕТ:

Милейший, благодарствую покорно. (*Горацио, тихо*) Знаешь этого комара?

ГОРАЦИО (*Гамлету, так же*):

Нет, принц.

ГАМЛЕТ (*так же*):

Значит, Богу ты угоднее, знаться-то с ним — грешно. У него уйма земли, и злачной. Дай скоту владеть скотиной, его кормушку обязательно выставят за столом королей. Эта птица не умнее клуши, но, как я сказал, навоза в его распоряжении — несчетно.

ОЗРИК:

Сладчайший принц, будь вашей милости досуг, я мог бы предложить вам нечто от их величества.

ГАМЛЕТ:

С охотою приемлю, сэр, всем рвеньем духа. Убор свой примените надлежаще — он для головки.

ОЗРИК:

Благодарен вашей милости, весьма жарко.

ГАМЛЕТ:

О нет, вельми студёно, уверяю, подуло с севера.

ОЗРИК:

Действительно, мой принц, как бы прохладно.

ГАМЛЕТ:

И все же, мыслю, пекло, духота для моего душевного сложенья.

ОЗРИК:

Неописуемые, принц, так страшно душно... не выразиться как. Но их величество, мой принц, мне повелело, чтоб от меня вы известились, что они побились о знатный, сэр, заклад — на вашу голову. Вот сущность дела...

ГАМЛЕТ:

Я умоляю, вспомните... (*Побуждает Озрика надеть шляпу.*)

ОЗРИК:

Ну что вы, добрый принц, мне, правда, комфортней так. Сэр, на днях тут прибыл ко двору Лаэрт — смею уверить, джентльмен абсолютно, весь полный разнородных совершенств, милейший в обхождении и превосходный видами. Волнительно сказать, поистине он атлас и толковник дворянина, поскольку в нем найдете вы весь материк тех областей, кои бы только пожелаю увидеть человек из благородных.

ГАМЛЕТ:

Сэр, его точной обрисовке в вашем лице не приходится терзаться вечными муками, хотя, вестимо, суммируй мы его по каталогу, — ввели бы память в головокруженье, рыская по курсу его проворных парусов. Наивернейше ж воздавая, толкую я его — как душу высшего артикула, а вылитое им — столь редкостной дороговизны, что, если верный стиль употребить, подобье он найдет — лишь в зеркале своем, а кто еще себя бы срисовал с него — так это тень его, кто кроме!

ОЗРИК:

Вашим высочеством изложен он вполне себе-зупречно.

ГАМЛЕТ:

Но, сударь, относительно чего? Зачем обволокли мы достохвального дурным дыханьем нашим?

ОЗРИК:

Сэр?

ГОРАЦИО:

Из других уст свой язык не понять? Постарались бы, сударь, ей-богу.

ГАМЛЕТ:

Что значит выдвижение кандидатуры этого господина?

ОЗРИК:

Лаэрта?

ГОРАЦИО (*Гамлету*):

Его кошелек уже пуст, все золотые словеса потратил.

ГАМЛЕТ:

Его, сударь.

ОЗРИК:

Я знаю, вы не остались несведущи...

ГАМЛЕТ:

Я бы не прочь, чтоб и вы знали. Хотя, и сведай вы, — сказать по чести, мне б это вряд ли к чести послужило. Итак?

ОЗРИК:

Вы не остались несведущи, в чем именно превосходителен Лаэрт.

ГАМЛЕТ:

Не смею в том сознаться, чтоб в чем-то превосходном не восходить к нему. А знай человеческую природу, — узнаешь всё и о нем, как о себе.

ОЗРИК:

Речь об его оружье. Ему вменяют повсеместно, что пары ему не сыщешь.

ГАМЛЕТ:

«Его оружье» — это что?

ОЗРИК:

Рапира и кинжал.

ГАМЛЕТ:

Оружей-то и пара. Так. И что же?

ОЗРИК:

Король, сэр, положил шестерку арабских скакунов, а у того напротив выставилось, по моим понятиям, шпаг и кинжалов тоже шесть, из Франции, со всем прибором, как то: и перевязь, и пояс, и другое. Из них три приклада воистину прельстят воображенье, согласны крайне с рукоятями, сверхтонченные, скажу вам, приклады, и выработка щедрой фантазийности.

ГАМЛЕТ:

Что разумеете вы под прикладами?

ГОРАЦИО (*Гамлету*):

Так и знал, что дело без сносок не закончится.

ОЗРИК:

Приклад, сэр, суть перевязь.

ГАМЛЕТ:

Выражение было б сроднее вещи, таскай мы на боку пищаль. До тех же пор хотелось бы оставить перевязь. Ну, а пока — на шесть арабских скакунов шестерка шпаг с приборами из Франции и тройка фантазийных прикладов. Итак, Франция на Данию. И куда все это, как вы выразились, выставилось?

ОЗРИК:

Король, сэр, поручился за дюжину, сэр, обоюдных сшибок, в которой вас опередит он укола на три, и не больше. Он же поставил — из двенадцати на девять, что испытанием пройти могло б немедля, стоит донести, что вы благоволили дать ответ.

ГАМЛЕТ:

А если тем ответом будет «нет»?

ОЗРИК:

Я мыслил, сэр, ответ противоборством вашей персоны.

ГАМЛЕТ:

Я буду, сэр, прогуливаться в зале — это мой каждодневный, державной милостью, час продыха. Пускай несут рапиры. Тому досточтимому нейметя, король играет на свою ставку, и я намерен выставленное им выиграть, если смогу. А нет — выставлюсь на позор да лишние уколы.

ОЗРИК:

Так и вручить от вас натурально?

ГАМЛЕТ:

Вручите суть, сэр, после всех цветов, кои натура ваша пожелает.

ОЗРИК:

Свидетельствую себя с почтением, высокий принц.

ГАМЛЕТ:

Наше вам. (*Озрик уходит.*) Хорошо еще, сам себя почтил освидетельствовать, другой бы на этом и язык сломал.

ГОРАЦИО:

Бежит чибисенок со скорлупой на темечке.

ГАМЛЕТ:

Он расшаркивался перед выменем, перед тем как зачмокать. Этот вот, и еще уйма из того же стада, каких обожает наш нечистый век, они и попали в тон времени, нарядились в обходительные манеры. Эта пенная накипь их и держит на плаву, во мнении всех — и дураков, и умных. А на поверку: дунь — пузыри и лопнут. (*Входит лорд.*)

ЛОРД:

Мой принц, их величество приносило вам ручательства через молодого Озрика, а тот, вернув-

шись, преподнес, что вы выжидаете в зале. Они отрядили осведомиться, к удовольствию ли вам поиграть на пари с Лаэртом или вам потребно несколько переждать?

ГАМЛЕТ:

Я своих намерений не меняю, они, следственно, удовольствуют и короля. Если его готовность велит, моя — наизготовку. Сейчас ли, когда угодно, лишь бы я был готов так смочь, как сейчас.

ЛОРД:

Король, королева и все сей же час сходят.

ГАМЛЕТ.

В час добрый.

ЛОРД:

Королева желает вам употребить благородное радушие касательно Лаэрта, прежде чем войдете в игру.

ГАМЛЕТ:

Она дает мне хороший урок. *(Лорд уходит.)*

ГОРАЦИО:

Вы проиграете пари, мой принц.

ГАМЛЕТ:

Это вряд ли. С тех пор, как он отбыл во Францию, я тренируюсь постоянно. С форой я выиграю. Но ты представить не можешь, до чего мурторно здесь, на сердце. Ну, да побоку.

ГОРАЦИО:

Ну, как же, добрый принц!..

ГАМЛЕТ:

Да дурость. Но сродни дурному предчувствию; женщину бы, может, и взволновало.

ГОРАЦИО:

Если что-то не по нутру душе, надо ее слушаться. Я предупрежу их, чтоб не спускались. Скажу, что вы не готовы.

ГАМЛЕТ:

Не вздумай. Бросим-ка мы вызов предвестиям. Без особого промысла не падет и воробей. Случься сейчас — значит, не позже. Не сбьется позже — выпало сейчас. А не сейчас, так все равно когда-то. Готовность — в этом все. Что оставляем, тем уж не владеем, так позже, раньше — что гадать? Быть так. *(Уходят.)*

Валерий Зосимович АНАНЬИН родился в 1941 г.

В 1967 окончил филфак ПетрГУ.

Много лет работал на Карельском ТВ редактором,
потом режиссером художественного вещания.

Заслуженный работник культуры Карелии.

Сейчас преподает в родном вузе.

Журналист, поэт, переводчик (сонеты Шекспира, «Охота на Снарка»

Л. Кэрролла, стихи Э. По и др.).

Поэмы, стихи, эссе печатала газета «Лицей».

Перевод «Гамлета» получил одобрение в Шекспировской комиссии РАН,

готовится к печати в издательстве ПетрГУ,

вместе с «Записями на полях» (нечто вроде «книги комментариев»).

